

нимания «гражданского долга и достоинства дворянина».²² По наблюдениям Е. Н. Купреяновой, в конце XVIII в. не менее важной дворянской обязанностью, чем служба на военном или гражданском поприще, «начинает почитаться „отеческая“ забота дворянина о благе его собственных подданных».²³ В литературе это привело к появлению в качестве положительного героя фигуры неслужащего дворянина, живущего в своих поместьях.

Эти же процессы подготовили и некоторые изменения в представлениях о литературной деятельности. Появление идеи «частного человека» способствовало формированию взгляда на литератора как на частное лицо, посвятившее себя исключительно литературному труду.

Уже Н. И. Новиковым был осознан конфликт между необходимостью служить и потребностью писать. Вскоре осознал этот конфликт и М. Н. Муравьев, находившийся под сильным влиянием Новикова. 11 марта 1780 г. он писал сестре: «В прошедший понедельник писал я довольно по-кавалерски. Если бы я продолжал, легко бы заключить было можно, что я упоен восторгом военной науки и буду скоро иметь роту драгун! Ничего не бывало. Я все тот же маленький педант, испрочивший себе привилегию лениться за скрепою муз».²⁴ Письмо свидетельствует, что двадцатитрехлетний солдат Преображенского полка уже ощутил в зачаточной форме конфликт между военной службой и призванием к поэтическому творчеству, которое он оценивает, однако, не как серьезное дело, а как «привилегию лениться».

Но зачастую русские писатели второй половины XVIII в. были не способны не только противопоставить, но и просто разграничить службу и творчество, рассматривали их как некое единое служение.

Мнение же, что творчество мешает службе, судя по некоторым данным, в те годы высказывалось скорее не литераторами, но людьми, их окружавшими.

Державин, как известно, в течение ряда лет служил под непосредственным началом А. А. Вяземского, который считал, что «стихотворцы не способны к делам» (III, 602), и это самым прямым образом отразилось на его судьбе.

Против недоверия к литераторам восстал в 1783 г. и Д. И. Фонвизин в «Челобитной российской Минерве от российских писателей» (по указанию Г. П. Макогоненко, «конкретным поводом к написанию „Челобитной“ оказались гонения, которым подвергся Державин со стороны <...> Вяземского».²⁵ Это свидетельствует об определенном общественном резонансе конфликта между Державиным и Вяземским). Фонвизин с возмущением писал, что «не-

²² Купреянова Е. Н. Основные направления и течения русской литературно-общественной мысли первой четверти XIX в. — В кн.: История русской литературы. Л., 1981, т. 2, с. 18.

²³ Там же.

²⁴ ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 262, л. 1.

²⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959, т. 2, с. 682.